Итак, монах или белец становится чиновником; писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо «по указу». Петр делал такие заказы или лицам, или учреждениям, Славяно-греко-латинской академии например.[30] Это самый распространенный писательский тип петровского времени. Илья Копиевский и Иван Кременецкий, вообще типографские справщики во главе с самим Федором Поликарповым — это в сущности литературные поденщики, такие же как барон Гюйссен, много прославлявший Петра перед Европой.

Казалось, что возобладал тот писательский тип, который хорошо знала Москва XVII в. и который был воплощен в переводчиках Посольского приказа вроде Николая Спафария (Петр, между прочим, делал заказы и посольским переводчикам). Когда Копиевский вернулся в Россию, то Брюс, при котором велено было ему находиться, писал Петру, что Копиевского надо причислить переводчиком к Г. И. Головкину, начальнику посольской канцелярии. Современники безошибочно опознавали этот писательский тип.[31]

Однако литературе позволялось выполнять не только практические функции, которые Петр считал важнейшими. Она должна была также развлекать; для развлечения каждый мог писать невозбранно — в качестве частного человека, вне и помимо служебных обязанностей. Писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем. В этом, как мне кажется, и заключается смысл того переворота в литературном быте, который случился при Петре. Это была тоже своего рода реформа, и реформа с далеко идущими последствиями.

Если превращение писателя в работника по заказу, в служащего человека, в литературного поденщика означало многократное увеличение потока естественнонаучных, юридических, медицинских и т. п. переводов, направленных к общественной пользе, то превращение его в частного человека, независимого от «христианской свободы», сразу отозвалось в тематической и жанровой области. Тотчас явились два следствия: были сняты запреты на смех и на любовь.

В благолепном старомосковском быту всякий день и всякий час были расписаны до мелочей — и там не было места смеху. Даже единоверным греческим пастырям казалось тяжело русское благонравие. Еще при Никоне алеппский архидиакон Павел, ехавший в Москву в свите антиохийского патриарха Макария, записал при переезде русской границы у Путивля: «Сведующие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на

---

[30] П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т I. СПб., 1862, стр. 210 и след.

[31] Там же, стр. 18.